

Дом актёра. - 1991. - № 2. - С. 8

Ирина МЯГКОВА
ЛУЧШИЙ НА
АВИНЬОНСКОМ
ФЕСТИВАЛЕ

Я таких спектаклей во французском театре не видела никогда: он вызвал к эмоциональности, к той глубинной памяти, которая не подвластна разуму. Он нарушал сложившееся устойчивое противопоставление: у нас - переживание, душевность, интуиция, у них - представление, рационализм, мастерство. Он как будто подключал тебя к полноводной подспудной реке ассоциаций, воспоминаний и тревог, общих для всех. Его сочинил режиссер Владислав Знорко - восходящее имя французской режиссуры и назвал "У самой железной дороги". Действие происходит на городском пустыре, у железной дороги. Скорый поезд (образ всепоглощающего движения времени) бешено пронесется где-то рядом, а здесь - отцепленный вагон на дальних путях, никогда не высыхающая лужа, голая лампочка под плоской железной шляпой, невысокая каменная стена, отделяющая пустырь от другой жизни, и голубой туман - скопившийся за многие годы дым от движения паровоза.

Этот пустырь у железной дороги - дно жизни. Неслучайно, я думаю, Ирина Вавилова, с русского монолога которой начинается спектакль, заставляет вспомнить о Насе из "На дне". Насе, у которой все сбылось с Гастой или с Раулем. И вот она - в стране своих грез, своих бульварных романов. И с упоением вспоминает, как ездила однажды в отпуск в Аррас и пила там пиво с "большим господином Жоржем". Но тоска безысходности, безвыходности - прежняя, как у Костылевых в ночлежке. Потому что не вырваться, не уехать отсюда никуда. И билеты в разные города, которые Стрелочница раздает всем персонажам, - только цветные бумажки, билеты счастья уличного шарманщика, который тоже крутит свою ручку для праздника других.

На своих актеров (их всего восемь) занят в спектакле - превосходный ансамбль) Знорко возлагает нелегкую задачу - сыграть одновременно и прошлое, и настоящее своего персонажа, разные его ипостаси, его призрачность и его реальность. Так, когда они дети, они не перестают оставаться взрослыми. А когда появляются новые лица в спектакле, - солдат, навеки застывающий потом на постаменте (такие памятники есть в каждом французском провинциальном городке), чужак-итальянец и чужачка-русская, то там видятся в них варианты судеб, будущее детей Пустыря, то будущее, из которого они возвращаются назад, в прошлое.

Знорко - не моралист. Он ничего не объясняет и ни на что не указывает перстом. Беспраздничная несчастливец его героев, разрушающийся в их руках праздник, несостоятельность чудес взаимоотношения персонажей с праздником в недавних московских спектаклях - "Гуд-бай, Америка" Г. Яновской и "Вчера наступило внезапно" Ю. Погребничко: тема оказалась универсальной.

Концепция Знорко столь же парадоксальна, как и ход движения его спектакля: подпольный идеалист, он полон почти религиозной веры в чудо; обладатель вполне реалистического жизненного опыта, он твердо стоит на земле среди осколков разбитых иллюзий. И в режиссуре его самые фантастические построения всегда покоятся на абсолютно реалистических, иногда даже натуралистически точных компонентах, деталях.

Но прежде - несколько слов о жизненном опыте режиссера, или, как его называют, - изобретателя. Владиславу 32 года (родился в 1958). Отец его, поляк, уроженец Ленинграда, эмигрировал во Францию в 1947 году и поселился в провинциальном Рубэ на севере страны. Пустырь у железной дороги - неотвратимое воспоминание застенчивого и болезненного мальчика, каким рос Влад. И еще - чувство чужака, изгоя, эмигранта, который должен интегрировать в ту среду, в которую поместила его судьба, как в интернат для сирот. Театр довольно рано, еще в школе, стал этим способом интеграции. Свои режиссерские студии Знорко

проходил в Американском центре в Париже у режиссеров-авангардистов и, что не менее важно для него, - в занятиях живописью, которые отточили глаз, развили вкус, понимание стиля и гармонии. С тех пор каждый свой спектакль Знорко делает под сенью какого-нибудь большого художника: Шагала в "Крысолове", Поля Дельво в "Фонарике", Джеймса Энсора в "У самой железной дороги".

Духовным своим отцом Знорко считает Тарковского (любимый фильм - "Сталкер").

Итак, славянское происхождение, ранняя маргинальность, обостренная чувствительность, неудовлетворенность французской культурой с ее "спрятанной душой" и вместе с тем - мощное воздействие этой культуры, опыт актера и режиссера в авангардистском театре. Родной язык - французский, ностальгический - польский и русский. Еще неясно, как поколение Знорко, воспитанное на бунте против традиции, проявит себя в режиссуре. Ибо он ворвался на официальную сцену едва ли не первым. Но его театр имеет черты достаточно определенные и выраженные. Прежде всего - недоверие к тексту. Все спектакли Знорко (их десять) - авторские, то есть придуманные им самим, и все пренебрегают словом. Это не значит, что они безмолвны. Так, в спектакле "У самой железной дороги" персонажи говорят даже много: Стрелочница по-русски, итальянец - как бы по-итальянски, но так, что никто не может понять и услы-

шать другого. И этим принципиальным для режиссера знаком человеческой разобщенности, этим ужасом перед словом, звучащим фальшиво, Знорко наследует первым еретикам конца 60-х - начала 70-х годов, исповедовавшим театр без текста. Он создает воспоминания о некоем тексте, ему важнее атмосфера, чувство, вызванное этим текстом.

Многоязычие его спектаклей можно трактовать и как космополитизм, открытость всем культурам. И Компания ведь так и называется - "Космос-колей". Участие ее в недавнем Караване мира, маршрут которого проходил и через нашу страну, тоже неслучайно и связано с космополитизмом (это слово, пожалуй, точнее и благороднее, чем скомпрометировавший себя интернационализм). Я думаю, чуткий Ален Кромбек, директор Авиньонского фестиваля, потому и предложил Знорко сыграть премьеру в Авиньоне, что режиссерская позиция Знорко совпадала с новой концепцией Авиньонского фестиваля как встречи прошлого, настоящего и будущего, разнообразных искусств - в лоне театра, французской культуры - с европейской и общемировой.

Знорко Владислав

